

И.А. Овчинина

Присыпкин

Присыпкин Иван (Скрипкин Пьер) — главный герой комедии В.В. Маяковского «Клоп». «Бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених» — обозначено в ремарке.

На сцене Присыпкин появляется в качестве жениха маникюрши и кассирши парикмахерской Эльзевиры Давидовны Ренесанс. В сопровождении будущей тещи Присыпкин выбирает покупки для предстоящей семейной жизни. Глаза его разбегаются от изобилия вещей, на деньги Ренесанс он готов приобретать все подряд, не забывая произнести при этом какой-либо лозунг. На всякий случай он покупает «бюстгалтеры на меху», принимая их за чепчики для двойни («Это вот для Дороти, а это на Лириан... Я их уже решил назвать аристократически-кинематографически... так и будут гулять вместе»), различные куклы («Мои будущие потомственные дети должны воспитываться в изящном духе»). И даже приобретение заурядных пуговиц мотивируется у него современными идеями: «В нашей семье не должно быть никакого мещанства и брючных неприятностей».

Ему вторит «самородок, из домовладельцев» Олег Баян: «У него дом должен быть полной чашей. И танцы и пиво у него должны бить фонтаном, как из рога изобилия».

Над семьей избранницы Присыпкин испытывает чувство превосходства, гордясь своей принадлежностью к классу-«гегемону». Когда Розалия Павловна Ренесанс обратилась к Присыпкину со словом «товарищ», тот ей строго замечает: «Не называйте меня товарищем, гражданка, вы еще с пролетариатом не породнились». И Баян объясняет Розалии Павловне великий смысл предстоящего бракосочетания: «Они к вам древнее незапятнанное происхождение и профсоюзный билет в дом вносят».

О себе Присыпкин с гордостью говорит: «...Я против этого мещанского быту — канареек и прочего... Я человек с крупными запросами... Я — зеркальным шкафом интересуюсь...»

На самом деле культурный уровень Присыпкина чрезвычайно низок. Поэтому и его разговор с Баяном, употребляющим иноязычные слова, карикатурен. «Свадебный кортеж» он воспринимает как «картёж», а «эпиталама Гименея» звучит для него как какие-то Гималаи.

Духовное убожество Присыпкина в соединении с классовыми амбициями создают сатирический эффект. Услышав от Баяна разъяснение относительно Гименея («это такой бог любви был у греков»), Присыпкин делает решительное заявление: «Товарищ Баян, я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов». Он успокаивается лишь после того, как Баян обрисовал ему красочную картину его «классового, возвышенного, изящного и упоительного торжества», рассказал, каким будет «красное трудовое бракосочетание». «Невеста вылезит из кареты — красная невеста... вся красная, — упарилась, значит; ее выводит красный посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, он как раз мужчина тучный, красный, апоплексический, — вводят это вас красные шафера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками».

Этот разговор о предстоящей свадьбе слышит работница Зоя Березкина, очевидно, не без основания надеявшаяся на семейное счастье с Присыпкиным. «Ваня! А я? Что ж это значит: поматросил и бросил?» — пытается она добиться от Присыпкина ответа. Совершенно случайно девушка узнает о том, что ее отношениям с Присыпкиным пришел конец. От пошлого и примитивного бывшего жениха она слышит столь же пошлое объяснение: «Мы разошлись, как в море корабли». Мало того, владелец «профессионального союзного билета», Присыпкин при этом резво манипулирует различными лозунгами, заявляя о своих правах. «Гражданка! Наша любовь ликвидирована, — решительно подво-

дит Присыпкин итог. — Не мешайте свободному гражданскому чувству, а то я милицию позову».

Из следующей сцены, изображающей «молодняцкое общежитие», становится известно, как относятся к Присыпкину его соседи по общежитию — Изобретатель, Парень, Очкастый и др. Претензии Присыпкина на особое положение и якобы изысканный вкус вызывают у них откровенную иронию. Они громко высмеивают глупые замашки своего соседа.

«И сор-то после него стал какой-то благородный, деликатный. Раньше што? Бутыль с-под пива да хвост воблы, а теперь баночки ТЭЖЭ да ленточки разрадуженные, — насмешливо характеризует Присыпкина молодой рабочий. Остальные его дружно поддерживают. Так, Парень называет его Макдональдом и поясняет: «Не в галстук дело, а в том, что не галстук к нему, а он к галстуку привязан. Даже не думает — головой пошевелить боится». Тему продолжает развивать Уборщик, раскрывший некоторые секреты Присыпкина, который, оказывается, на чулке «лаком дырки покрывает», а как «заторопился, дыру на чулке видать, так он ногу на ходу чернильным карандашом подмазывал».

Выясняется, что у босого парня «опять сапоги сперли». И сделал это не кто иной как Присыпкин. Как поведал Уборщик, «в них Присыпкин к своей верблюдице на свидание затопал. Надевал — ругался. В последний раз, говорит, а вечером, говорит, явлюсь в обновленном виде, более соответствующем моему новому социальному положению».

Присыпкин уже заготовил визитные карточки, на которых обозначил новую, более звучную фамилию — Скрипкин, а имя Иван сменил на Пьер. «Ну, что такое Присыпкин? На что Присыпкин? — иронизирует Изобретатель. — Кому Присыпкин? А Пьер Скрипкин — это уже не фамилия, а романс!» Лишь мечтательная девушка оправдывает и поддерживает Присыпкина: «Пьер Скрипкин — это очень изящно и замечательно. Вы тут гогочете, а он, может, культурную революцию на дому проделывает».

Разговор о Присыпкине выливается в целую дискуссию об образе жизни рабочего человека. Слова о «культурной революции» задела Парня, для которого Пушкин стал своего рода символом чуждой ему дореволюционной жизни. Поэтому он резко отзывается о Присыпкине: «Мордой он уже и Пушкина превзошел. Висят баки, как хвост у собаки, даже не моет — растрепать боится». Босой завидует Присыпкину, мечтая обзавестись «ежедневными сапогами» и «пообнюхать» «лучшую квартирнку». Ему возражает не приемлющий подобных взглядов Слесарь. Он верит в бескомпромиссную борьбу с такими идеологическими противниками, как Босой и Присыпкин: «Настроим домов и двинем сразу... Сразу все. Но мы из этой окопной дыры с белыми флагами не вылезем». Спорам приходит конец при появлении в комнате Присыпкина и Баяна, от которых «ребята общежития отворачиваются».

По совету Баяна Присыпкин начинает готовиться к «ответственному шагу в жизни» — «первому фокстроту после бракосочетания». Под руководством наставника Присыпкин обучается танцу и необходимым «манерам».

«Так, так, тихим шагом, как будто в лунную ночь в мечтах и меланхолии из пивной возвращается, — подбадривает Баян. — Так, так! Да не шевелите вы нижним бюстом, вы же не вагонетку, а мадмуазель везете». Присыпкин с усердием танцует под аккомпанемент ценных советов добровольного руководителя. Баян не забыл дать Присыпкину рекомендацию, как следует себя вести во время танца, если вдруг некстати зачесется спина. «Вы закатите глаза, как будто даму ревнуете, отступите по-испански к стене, быстро потритесь о какую-нибудь скульптуру».

К удовольствию Баяна, подобные «культурные» навыки Присыпкин усваивает довольно быстро. «Вам в условиях буржуазного окружения и построения социализма в одной стране — вам развернуться негде», — сетует учитель, отметивший «талант» у «товарища Присыпкина». Войдя в раж, Баян продолжает: «Вам мировая революция нужна, вам выход в Европу требуется, вам только Чемберленов и Пуанкаров сломить,

и вы Мулен Ружи и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете». Однако, уходя, Баян дает Присыпкину последнее красноречивое наставление, которое как нельзя лучше свидетельствует о привычках и о вкусе Присыпкина: «Не надевайте двух галстуков одновременно, особенно разноцветных, и зарубите на носу: нельзя на выпуск носить крахмальную рубаху!»

Все это, увиденное и услышанное соседом по общежитию, вызывает у него недоумение, Парень вполне искренне советует Присыпкину бросить «эту бузу». «Чего это тебя так расчучелило?» – по-свойски добавляет он.

Все дальнейшее поведение Присыпкина лишний раз подчеркивает степень его деградации, увеличивающую дистанцию между ним и рабочей молодежью. «Не ваше собачье дело, уважаемый товарищ!» – с вызовом отвечает Присыпкин. Он просто и популярно объясняет свою жизненную позицию: «Я за хорошую жизнь боролся... Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!»

Стремление Присыпкина к «хорошей жизни» едва не стоило жизни отвергнутой им Зое Березкиной, предпринявшей от отчаяния попытку застрелиться. В результате разгневанный Слесарь «берет Присыпкина за пиджак» и выбрасывает из комнаты его вещи со словами: «Из-за тебя, мразь волосатая, и такая баба убилась! Вон!». А Уборщик добавляет: «И с треском же ты, парень, от класса отрываешься!»

Свадьба Присыпкина и Эльзевиры Ренессанс отмечается в «большой парикмахерской комнате» с зеркалами, с «бумажными цветищами», где стоит «рояль с раскрытой пастью». Присыпкин не начинает свадебное пиршество, пока не придут все важные лица: «Я желаю жениться в организованном порядке и в присутствии особы секретаря завкома, уважаемого товарища Лассальченко... Во!» Наконец, в сугубо бюрократическом стиле Присыпкин произносит давно ожидаемое: «Объявляю свадьбу открытой».

Невесту Присыпкин целует «степенно и с чувством собственного достоинства». Теща, обращаясь к «товарищам и мусье», потчует их купленным еще три года назад (на случай войны) окороком. «Войны еще нет, а ветчина уже портится. Кушайте, мусье». Разгулявшаяся публика требует «Бетховена» и «Шакеспеара».

В своей праздничной речи Баян говорит об «изыщном завершении на данном отрезке времени полного борьбы пути товарища Скрипкина. Правда, он потерял на этом пути один частный партийный билет, но зато приобрел много билетов государственного займа». Заслугу таких, как он сам и Присыпкин, Баян видит в том, что они смогли «согласовать и увязать их классовые и прочие противоречия». По мнению оратора, людям с «марксистским взглядом» удастся видеть в этом «будущее счастье человечества, именуемое в простонародьи социализмом». Под свадьбу Присыпкина с Эльзевирой Ренессанс Баян торжественно подводит идеологическую платформу, используя демагогические приемы, стараясь упомянуть имена Маркса и Энгельса: «Разве... наши великие учителя Маркс и Энгельс могли бы предположительно мечтать или даже мечтательно предположить, что мы будем сочетать узами Гименея безвестный, но великий труд с поверженным, но очаровательным капиталом».

Разгоревшаяся впоследствии ссора «уважаемых граждан» и «товарищей» из-за обидного (идеологического) восприятия шафером игры Баяна на рояле («Ты что же это на одной черной кости играешь? Для пролетариата, значит, на половине, а для буржуазии на всех?») выливается в обыкновенную драку. «В драке опрокидывают газовую невесту на печь, печь опрокидывается, — пламя, дым». В результате, как отрапортовал пожарный, «все действующие лица сгорели».

Последующие события происходят через пятьдесят лет, в 1979 году, в условиях совершенно иной общественной формации и высокого уровня науки. «Председатель института человеческих воскрешений» докладывает «огромному до потолка залу заседаний» о том, что «прорывающая фундамент бригада на глубине семи метров обнаружила»

«обледеневший погреб», «сквозь лед феномена просвечивает замороженная человеческая фигура». Это Присыпкин. Общим голосованием было решено данный индивидуум воскресить. Оживление Присыпкина происходит при участии ассистирующей профессору Зои Березкиной. Узнав в замороженном теле Присыпкина, она просит профессора отказаться от «этого эксперимента»: «Товарищ профессор, опять пойдет буза...» Профессор просит Зою припомнить некоторые существенные детали — какие были у Присыпкина ресницы и насколько сильно он «раздувал ноздри при вдыхании в возбужденном обществе». Но в памяти у Зои сохранилось только одно — «был какой-то живот».

При оживлении Присыпкин проявляет «неестественную порывистость», пугающую врачей. Профессор поясняет эти телодвижения: «...Чешется, — очевидно, оживают присущие подобным индивидуумам паразиты». Вместе с паразитами воскрес и Присыпкин. «Крышка мгновенно откинулась, из ящика подымается взъерошенный и удивленный Присыпкин, озирается, прижав гитару».

Очнувшийся Присыпкин считает, что он только что встал после сна, а помещение, в котором очнулся, принимает за отделение милиции. Услышав ответ профессора («Это — отделение ото льда кожных покровов, которые вы отморозили...»), Присыпкин продолжает разговор в свойственной ему хамской манере: «Чего? Это вы че-вой-то отморозили. Еще посмотрим, кто из нас были пьяные». В нем еще жива классовая спесь, и он наступает: «Вы, как спецы-доктора, всегда сами около спиртов третесь. А я себя, как личность, всегда удостоверить сумею».

При нем находятся и документы, делающие его неуязвимым (как он полагает) в любой ситуации. «В МОПР? Уплатил. В Осоавиахим? Внес. “Долой неграмотность”? Пожалуйста <...> Профсоюзный билет здесь», — эти бумаги придают Присыпкину уверенности и через столетия. «Выписка из загса» напоминает ему о женитьбе. «Да я же вчера женился! Где вы теперь, кто вам целует пальцы? Ну и всыплют мне дома!» Неожиданно «взгляд падает на календарь», и Присыпкин видит число: «12 мая 1979 года!» Присыпкин на этот факт реагирует бездумно, в нем прочно засели такие понятия, как справки, взносы, общественные организации — единственное, перед чем он трепещет. «Это же за сколько лет у меня в профсоюз не плочено! Пятьдесят лет! Справок-то, справок спро-сют! Губотдел! ЦК! Господи! Жена!!! Пустите!» — вопит он.

Окончательно растерявшийся Присыпкин задает каскад вопросов: «Кто я? Где я? Не матушка ли вы Зои Березкиной будете? Куда я попал? Куда меня попали? Что это?.. Москва?.. Париж?.. Нью-Йорк?..» Его пугает «рев автомобильных сирен». Новые реалии приводят его в отчаяние: «Ни людей, ни лошадей! Автодоры, автодоры, автодоры!!!» Неподдельную радость Присыпкин испытывает, когда видит родное существо в образе клопа, ползущего по стене. «Клоп, клопик, клопуля!!! *(Перебирает гитару, поет.)* Не уходи, побудь со мною... *(Ловит клопа пятерней; клоп уполз.)* Мы разошлись, как в море корабли... Уполз!.. Один! Но нет ответа мне, снова один я...» Не выдержав потрясения от всего, что с ним произошло, Присыпкин «падает в обморок».

От репортера становятся известны некоторые пагубные для жителей города последствия оживления Присыпкина. Он стал источником опасных эпидемий, от него в городе распространяется эпидемическое подхалимство. «Это воскрешенное млекопитающееся, — рассказывает репортер, — вступило в общение со всеми домашними животными небоскреба, и теперь все собаки взбесились. Собаки не лают и не играют, а только служат. Животные пристают ко всем обедающим, подласкиваются и подлизываются». В свою очередь, люди, «покусанные подобными животными, приобретут все первичные признаки эпидемического подхалимства», которым доселе современное общество не страдало.

Присутствие Присыпкина резко изменило жизнь города. На улицах стали появляться пьяные люди, испробовавшие пива и научившиеся у Присыпкина различным песенкам — образцам безвкусицы. Последствия приобщения к зелью, которым «было предписано пить воскрешенное млекопитающееся» «в целях облегчения переходного существования»,

оказались для людей, живущих в 1979 году, крайне губительны. В результате «пятьсот двадцать рабочих лежат в больницах, но страшная эпидемия трехгорной чумы пенится, бурлит и подкашивает ноги». Пьянство стремительно распространяется, все больше становится желающих вкушать алкоголя. Так, выслушав репортера, один из мужчин «мечтательно и томительно» признается: «Я б себя принес в жертву науке, — пусть привьют и мне загадочную болезнь».

Кроме того, Присыпкин явился и разносчиком «ужасных» микробов «влюбленности». «Так называлась древняя болезнь, — поясняет репортер, — когда человечья половая энергия, разумно распределяемая на всю жизнь, вдруг скоротечно конденсируется в неделю в одном воспалительном процессе, ведя к безрассудным и невероятным поступкам». За примером репортеру далеко ходить не надо — на сцене появляется девушка, ставшая жертвой такой «влюбленности». Ее поведение воспринимается как явное отклонение от нормы, характеризующееся всем набором чувств в духе Присыпкина. «Несчастливая, она живет рядом с ним, с этим бешеным млекопитающим, и вот ночью, когда город спит, через стенку стали доноситься к ней гитарные рокотанья, потом протяжные душераздирающие придыхания и всхлипы нараспев, как это у них называется? «Романсы», что ли? Дальше — больше, и несчастная девушка стала сходить с ума». Теперь она блуждает по городу, творя ногами «па фокстрота и чарльстона», бормоча стихи и вдыхая аромат воображаемой розы. И еще «тридцать герлс проходят в танце». И репортер констатирует: «Эпидемия океанится... Эпидемия дошла... до а-по-гея».

Грустные наблюдения репортера прерывает появление директора зоологического сада в сопровождении «толпы, вооруженной зрительными трубами, фотоаппаратами и пожарными лестницами». Это «незаметные труженики науки» ведут поиск клопа, «редчайшего экземпляра вымершего и популярнейшего в начале столетия насекомого». Наконец «зверь» отловлен, а зоологический сад «осчастливлен, ошедевлен», так как пойманное насекомое, пришедшее вместе с Присыпкиным из прежней жизни, — это не что иное, как «клопус нормалис».

Размороженный Присыпкин не в состоянии расстаться со своими привычками. Как гласит ремарка, «на кровати, под чистейшим одеялом, грязнейший Присыпкин... Вокруг Присыпкина угол обгрязнен. На столе окурки, опрокинутые бутылки». Дежурящий около него врач с трудом выносит запах, исходящий от постоянно опохмеляющегося Присыпкина. («Как дыхнет, так у меня ноги подкашиваются! Я уж семь вентиляторов поставил: дыхание разгонять»).

Ничто не устраивает Присыпкина в новой жизни. Пива дают лишь малыми дозами («это мне — как слону лимонад!..»), на стенку нельзя «прикнопить» «даже карточку любимой девушки». Ему никак не могут подобрать соответствующую его вкусу книгу, «такую, чтоб замирало», «чтоб щипало». Гневно выговаривает Присыпкин Зое Березкиной за то, что он теперь лишен возможности танцевать так, как его учил Баян, под руководством которого он «преемственное изящное образование вырабатывал». Вместо того чтобы «растанцоваться» «в своем обществе в новоизученном танце», ему, «гегемону», Зоя предлагает принять участие в многотысячном танце «рабочих и работниц» («Это будет веселая репетиция новой системы полевых работ»). Терпению Присыпкина пришел конец. «Товарищи, я протестую!!! — кричит он. — Я ж не для того размерз, чтобы вы меня теперь засушили».

Когда-то любившая Присыпкина Зоя Березкина полностью освободилась от каких-либо иллюзий насчет этого размороженного экспоната. «Я прожила пятьдесят лет вперед, а могла умереть пятьдесят лет назад из-за такой мрази...»

Жизнь Присыпкина стала невыносимой в обществе технократии, коллективно-массовых действий, шагистики, агиток, искусственных деревьев и рационального отношения к человеческой природе. Лишь одно обстоятельство вызывает у него неподдельную радость — когда он находит сочиненное директором зоосада объявление: «Исходя из

принципов зоосада, ищущее живое человеческое тело для постоянных обкусываний и для содержания свежеприобретенного насекомого в привычных условиях». Это как раз то, что нужно Присыпкину, он с удовольствием откликается на призыв.

Отцы города были крайне обеспокоены тем, что «два паразита» (клоп и Присыпкин) заражают своими микробами людей, доселе не знавших волнений, разногласий, отклонений от принятых норм жизни. Но теперь наступило спокойствие: Присыпкин изолирован и посажен в клетку вместе с клопом.

Как признается директор зоосада в выступлении перед трудящимися города, Присыпкин («размороженное млекопитающееся») был ошибочно причислен к «гомо сапиенс», тогда как при внимательном рассмотрении выяснилось, что это — «обывателиус вульгарис». От клопа его отличает размер и то, что он «страшнее» «клопуса нормалиса». «С его чудовищной мимикрией он завлекает обкусываемых, прикидываясь то сверчком-стихоплетом, то романсоголосой птицей... Такие птицы свивали гнезда в ложах театров... под Интернационал, в балетах, чесали нога об ногу... стригли Толстого под Маркса, голосили и завывали... и... гадили в количествах, не могущих быть рассматриваемыми, как мелкая птичья неприятность». Клоп и Присыпкин («самый поразительный паразит») «водятся в затхлых матрацах времени».

Клетка стала для Присыпкина родным и милым домом. В ремарке: «На кровати Присыпкин с гитарой. Сверху клетки свешивается желтая абажурная лампа. Над головой Присыпкина сияющий венчик — веер открыток. Бутылы стоят и валяются на полу. Клетка окружена плевательными урнами».

Оберегая зрителей, работники зоосада приняли меры предосторожности. Для очищения воздуха повесили фильтры и озонаторы, а на стенах клетки сделали предупреждающие надписи: «Осторожно — плюется!»; «Без доклада не входить!»; «Берегите уши — оно выражается!»

Публика забавляется, когда Присыпкин, демонстрируя повадки человекообразного животного, курит или «вдохновляется», опрокидывая бутылку с водкой. Но вот он видит зрительный зал и «орет»: «Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне!» И тогда клетку с Присыпкиным срочно закрывают («насекомое утомилось»), а трибуну проветривают.